

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ № 1 «НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ»

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «МЕНТОЦИД» В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Аренова Л. К.

Республика Казахстан, г. Караганда
Карагандинский университет Казпотребсоюза,
профессор кафедры правового регулирования
экономических отношений,
кандидат юридических наук, профессор

Термин и понятие «ментоцид» как в международном публичном, так и иных смежных отраслях права до настоящего времени не рассматривались.

Однако, по нашему мнению, на современном историческом этапе для рассмотрения правового термина и определения ментоцида уже наступили достаточно серьезные основания. Это связано прежде всего с глобальными и региональными трансформационными, геополитическими процессами, которые мы наблюдаем в международной сфере. Это связано с тем, что изменились методы, способы и средства разрешения спорных и конфликтных ситуаций между субъектами международного права. В частности, современные реалии в международно-правовой сфере научными экспертами разных областей международно-правовых, политологических и иных знаний компетентно характеризуются как ведение так называемых гибридных войн. Последний термин был введен в 2007 году американским военным теоретиком Фрэнком Хоффманом как принципиально новая теория войн современности и представил определение, которое отражает не только философскую, но и правовую суть ментоцида. Согласно мнению Ф. Хоффмана, «гибридная война – это возникающее одновременное использование нескольких типов войны гибкими и изощренными противниками, которые понимают, что для успешного конфликта требуются разнообразные формы, разработанные для достижения целей в данный момент» [1].

Традиционное в нашем понимании ведение деструктивных действий в отношении государств заменяется иными, смешанными, латентными средствами и методами. Они включают в себя синтез социально-психологического давления и устрашения, идеологической

пропаганды и навязывания иных духовно-нравственных и в целом культурных ценностей.

По нашему мнению, гибридные войны включают в себя такой стратегический элемент как подрыв культурной безопасности какой-либо страны и, как результат, ментоцид, то есть полное или частичное уничтожение культурного кода и ментального здоровья. Ментоцид является следствием нарушения культурной безопасности государства как вида национальной или государственной безопасности. Он направлен на полное или частичное уничтожение интеллектуальной и культурной самоидентичности народа, нации, этноса, способствует психофизиологической и духовной деградации, что фактически приводит к «digital dementia» («цифровое слабоумие» – термин, введенный южнокорейскими учеными как результат комплекса научных исследований в области психофизиологии в 2007 году в связи с тем, что Южная Корея – одна из первых стран, которая прошла оцифрование страны и общества) [2].

Современный исторический этап характеризуется также тем, что нормы международного права перестали выполнять свои регулятивные функции для стабилизации напряженной международной обстановки, потенциальной и реальной ядерной угрозы, ведения гибридных войн с целью дестабилизации стран. Это происходит посредством подрывной деятельности внутри государств с использованием психологического воздействия на массы через разрушение культурной безопасности и идеологии, изменения ментальности ее граждан, навязывания и пропаганды ложных морально-нравственных и духовных ценностей, запрета на распространение культуры разных народов и пр.

Великая Отечественная война вскрыла влияние идеологии превосходства одной нации и культуры над другой, где не только Холокост, но и фактический геноцид против белорусского народа, а также всего советского народа – это яркий показатель не только геноцида, но и ментоцида. Именно благодаря действенной охране культурной безопасности СССР советский народ стал победителем ценой собственных жизней, а подвиг героев Брестской крепости – наглядным историческим примером на века.

Отметим, что в социологической и антропологической науке в начале XX столетия французским антропологом Робертом Херцем в его работе «Смерть и правая рука» была аргументирована научная позиция об уничтожении личности без физического насилия. Суть данной концепции состоит в том, что физической смерти человека предшествует сначала социальная, после психологическая и только потом биологическая смерть, то есть человека исключают из социальной жизни, психологически и ментально уничтожают, лишают культурной идентичности [3]. Концепция, что человек умирает дважды – когда его имя забывают, а потом когда перестает дышать, является собирательной. Это идея, которая нашла свое развитие с периода античности и поддерживалась великими мыслителями на протяжении всей истории

человечества, приписывается древнегреческому философу Диогену Синопскому. Выявляется и доказывается фактор того, что именно ментальность, культура с такими входящими в нее элементами, как нормы поведения, языки, традиции и обычаи, идеология, выступают доминантой жизни человечества, стимулирующей его дальнейшее развитие и ментальный прогресс.

Напомним, что в настоящее время в международно-правовых нормах понятие «ментоцид» отсутствует и, соответственно, не имеет международного признания, а лишь имеет место преследование по признаку культуры, отчасти отраженное в ст. 19 и 27 Международного пакта о политических и гражданских правах, в п. h) ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда в 1998 году. Указанное отмечает, что современное международное право не в полной мере соответствует современным международно-правовым реалиям и условиям глобальной цифровой трансформации. Однако представленный пробел признания явления ментоцида не снижает авторитет отрасли, что обусловлено отсутствием необходимости рассмотрения такого явления ранее.

Настоящий период времени, который определяется как этап цифровой революции, меняет как международную, так внутригосударственную политико-правовую реальность. Это обусловлено сменой исторической эпохи, что полностью преобразует не только формат международных отношений, но и методы, способы влияния стран друг на друга, разжигания конфликтов и напряжения в государствах, а также способы ведения переговорного процесса и дипломатии. Период цифровой революции и технологического прорыва, глобализация в информационно-экономическом понимании не только привели к изменению миропорядка и трансформации мира, но и создали условия для возникновения ряда негативных явлений и глобальных рисков (например, от явлений экстремизма, терроризма, сепаратизма и заканчивая рисками глобального климатического коллапса, угрозами в сфере экологической, экономической и культурной безопасности). В этой связи возникновение явления ментоцида выступает новеллой в международном праве как исторически обусловленный фактор лишения суверенитета и независимости, государственности в целом посредством подрыва культурной безопасности.

Парадигма ментоцида в международном праве определяется установлением его сущности через его проявления в действиях. По нашему мнению, определить правовое понятие ментоцида возможно комплексно, с учетом цикла психологических, философских, педагогических, геоэкономических и иных наук, что связано с этимологией слова «ментальность» и его прямого образования понятия ментоцида. Ментальность – это присущий человеку, социальной группе образ мышления и мыслей, ум, душевный склад, общая духовная настроенность, которая в своей основе имеет достаточно глубокий уровень коллективного и индивидуального сознания и бессознатель-

ного [4]. Ментальность выступает относительно устойчивой совокупностью внутренних ценностей, установок и предрасположенностей человека или социальной группы, основанной на традициях и обычаях народа, этноса, нации, через призму которых воспринимается окружающий мир, конкретным образом формируя культуру, являясь трудноопределимым истоком дальнейшего исторического развития.

Ментоцид с латинского определяется как сочетание слов «mens» и «caedere», что в буквальном переводе означает «отключить ум» [5]. Представленный этимологический анализ отмечает прямую взаимозависимость ментальности с ментоцидом. Определение ментоцида не закреплено в международно-правовых нормах, в отличие от геноцида и экоцида, но выступает способом разрушения суверенитета и независимости государств, дестабилизации общества, элементом для осуществления неоколониальной политики. По нашему мнению, ментоцид представляется результатом подрыва культурной безопасности страны как вида национальной или государственной безопасности, не имеет определяющего временного состояния – мирное или военное время, и представляет собой комплекс криминальных действий, направленных на уничтожение ментальности и ментального здоровья нации, этноса или народа путем разрушения его культурной самоидентичности, исторической памяти и духовных ценностей, с целью подрыва или уничтожения суверенитета и независимости государства и дестабилизации общества. Это всегда намеренная система действий, подлежащая криминализации как вид международных преступлений против мира и безопасности человечества. Международная опасность ментоцида заключается в том, что в результате совершения комплекса действий, направленных на уничтожение ментальности и ментального здоровья нации и народа путем разрушения его культурной самоидентичности, частично или полностью может прекратиться их существование как полноценного и самостоятельного сообщества людей на определенной территории, что ведет к распаду целого государства. Непосредственным объектом ментоцида должны выступать общественные отношения, которые обеспечивают безопасность ментального здоровья, свободы интеллектуального потенциала и мышления, совести, самоидентичности народа, этноса, нации на территории страны, где потерпевшей стороной при ментоциде является народ. Международно-правовой аспект признания ментоцида обосновывается намеренными действиями, которые направлены на подрыв свободы мышления как основного фундаментального права, присущего каждому человеку по праву рождения, способностей общества к критическому мышлению, разрушение памяти и языка, которые ведут к исчезновению уникальных культурных кодов, что делает его уязвимым для психологических манипуляций. Преступность действий определяется использованием деструктивной идеологической пропаганды и психологических технологий влияния, в том числе в цифровой среде (через интернет-контент,

алгоритмы моделирования желательного поведения, манипуляции вниманием, социальное давление и сравнение, ментальную стимуляцию через геймер-контент и интерфейс-решения). В этой связи подчеркнем необходимость международного и внутригосударственного контроля использования цифровой среды населением, информационно-медийной безопасности и цифрового пространства. Кроме того, целесообразно разработать международно-правовой механизм мониторинга с целью установления международного индекса ментоцидной угрозы International Mentocide Threat Index (IMTI), например по принципу Базельского индекса системы ПОД/ФТ/ФРОМУ или глобального индекса терроризма.

Список цитированных источников

1. Хоффман, Ф. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars = Конфликт в 21 веке. Появление гибридных войн» / Ф. Хоффман. – URL: https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
2. Стрельникова, Л. Цифровое слабоумие / Л. Стрельникова // Химия и жизнь. Научный журнал. – 2014. – № 12. – URL: <https://hij.ru/read/5210/> (дата обращения: 20.09.2025).
3. Херц, Р. Смерть и правая рука / Р. Герц ; пер. с фр., науч. ред. И. Куликов. – М. : ARS Press, 2019. – 264 с.
4. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 672 с.
5. Большой психологический словарь. – URL: <https://psychological.slovaronline.com> (дата обращения: 22.09.2025).